

УДК [323.13+323.15+323.17]:341.121"1920/1933"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/59/9

ВОПРОС О ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНАХ В ДОКУМЕНТАХ ЛИГИ НАЦИЙ (1920–1933 гг.)

С.И. Дегтярев^{1,2}, Е.А. Самойленко^{1,3}

¹ Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

² Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных
исследований

США, 20036, Округ Колумбия, г. Вашингтон, STE 900, Норд-Вест,
1150 Коннектикут авеню

E-mail: starsergo2014@gmail.com

³ E-mail: y.samoilenko@uabs.sumdu.edu.ua

Авторское резюме

Статья посвящена анализу историографических фактов о положении подкарпатских русинов в Чехословакии, изложенных в документах Лиги Наций. Исследование основывается на характеристике источников двух типов: 1) информации, собранной Генеральным секретарем Лиги по поручению совета на основе представленных правительством Чехословакии специальных меморандумов; 2) рассмотренных органами Лиги дел о нарушении прав русинов согласно поданным жалобам и ответным замечаниям чехословацкого правительства. Авторы делают вывод о нежелании Чехословакии предоставлять особый статус русинскому меньшинству. Автономия Подкарпатской Руси, провозглашенная и юридически зафиксированная в ходе событий, приведших к образованию т. н. Первой Чехословацкой Республики, не была воплощена в жизнь вплоть до октября 1938 г. Но данный эпизод из жизни русинов не был адекватно отображен в архивных материалах секретариата Лиги Наций. Во многом дискриминационная внутренняя политика Чехословакии в отношении русинского этноса объясняет неоднократность обращений различных лиц и организаций в Лигу Наций с целью отстоять права этого национального меньшинства. Однообразие проблем, которые испытывали подкарпатские русины в Чехословакии, порождало однотипные по своей природе жалобы в Лигу Наций от имени пред-

ставителей или поборников меньшинства. Рассмотренные комитетом три петиции раскрывали обратную сторону той ситуации, в которой находился этнос. В отличие от меморандумов чехословацкого правительства и его ответных замечаний на заявленные жалобы, эта источниковедческая база предлагает альтернативный взгляд на судьбу русинов в составе Чехословацкой Республики.

Ключевые слова: подкарпатские русины, Подкарпатская Русь, Лига Наций, Чехословакия, национальные меньшинства.

SUBCARPATHIAN RUSINS IN THE LEAGUE OF NATIONS DOCUMENTS (1920–1933)

S.I. Degtyarev^{1,2}, Ye.A. Samoilenko^{1,3}

¹ Sumy State University

2 Rimskogo-Korsakova Street, Sumy, 40007, Ukraine

² International Network Center for Fundamental and Applied Research
1150 Connecticut Avenue, NW, STE 900 Washington, District of
Columbia, 20036, USA

E-mail: starsergo2014@gmail.com

³ E-mail: y.samoilenko@uabs.sumdu.edu.ua

Abstract

The article focuses on the interdisciplinary (historical and legal) analysis of the situation with the Subcarpathian Rusins in Czechoslovakia regarding the facts outlined in the League of Nations documents. The study is based on two types of sources: 1) memoranda submitted by the Czechoslovak Government to the League of Nations and collected by the Secretary-General on behalf of the Council; 2) cases on Rusins' rights violation examined by the League's authorities according to the complaints filed and the comments of the Czechoslovak government. The authors conclude that Czechoslovakia did not seek to grant special status to the Rusin minority. Autonomy of Subcarpathian Rus, proclaimed and legally bounded in the course of the so-called "the First Czechoslovak Republic" formation, was not implemented until October 1938. However, this episode from the Rusinian history was not adequately documented in archival materials of the League of Nations Secretariat. The discriminatory domestic policy of Czechoslovakia regarding the Rusin ethnos largely explains numerous appeals from various individuals and organizations to the League of Nations in order to defend the rights of this national minority. The sameliness of the problems experienced by the

Subcarpathian Rusins in Czechoslovakia produced the same type of complaints to the League of Nations on behalf of the minority's representatives or advocates. In fact, the three petitions examined by the Committee reveal the opposite side of the situation the ethnic group found itself. Unlike the memoranda of Czechoslovakian government and its response to the complaints, the petitions suggest an alternative view on the Rusin fate within the Czechoslovakian state.

Keywords: Subcarpathian Rusins, Subcarpathian Rus, League of Nations, Czechoslovakia, national minorities.

29 ноября 1920 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию касательно гарантий Лиги в реализации положений о защите национальных меньшинств, которые содержались в одноименном Сен-Жерменском договоре от 10 сентября 1919 г., заключенном между Главными союзными и объединенными державами (Великобританией, Францией, Италией, США и Японией) и Чехословацкой Республикой. В частности, упомянутая резолюция подчеркивала необходимость обеспечения Чехословакией надлежащей охраны интересов подкарпатских русинов – этноса, проживавшего в пределах Подкарпатской Руси как автономной территориальной единицы к югу от Карпат в составе единого государства. Документ в числе первых поставил этот вопрос на повестку дня совета Лиги. Фактические жизненные обстоятельства, в которых оказался русинский этнос в Чехословакии после Первой мировой войны, способствовали использованию им механизма защиты прав меньшинств, созданного в рамках организации. В этом смысле в архиве секретариата Лиги был накоплен огромный массив информации, который нуждается в тщательной аналитической обработке.

Исследования прошлого русинского этноса Подкарпатской Руси, отображенного в фокусе деятельности Лиги Наций, затрагивают малоизученную политическую составляющую в общей проблематике истории русинов как коренного населения Карпато-Днестровских земель. Острота вопроса переплетена и с современностью. Русины Закарпатской области Украины постоянно проявляют социально-политическую активность. Достаточно упомянуть проведенный 1 декабря 1991 г. местный референдум о предоставлении Закарпатской области статуса самоуправляемой административной территории в составе Украины, когда голоса «за» отдали 78 % населения, или же открытое обращение представителей русинов в октябре 2014 г. к государственным органам стран Западной Европы, Европейскому союзу, Организации Объединенных Наций о необходимости признания Украиной карпаторусинского национального меньшинства.

Целью настоящей статьи является базирующийся на началах историзма, научности, системности и междисциплинарности анализ историографических фактов о положении русинского этноса в Чехословакии, изложенных в документах Лиги Наций.

Отображение решения национального вопроса подкарпатских русинов Лигой Наций в современной историографии. На сегодняшний день опубликовано довольно большое количество научных и публицистических работ, посвященных социально-экономическому положению, национальному движению и политической судьбе подкарпатских русинов в составе Чехословакии. Наиболее глубокими являются украинская, российская, чешская и словацкая, а также венгерская историографии. Стоит выделить работы таких авторов, как И. Поп, С. Виднянский, О. Кравчук, С. Морозов, С. Суляк, Дж. Ботлик [1; 6; 8–11; 18]. Существуют и сугубо историографические обзоры этих тем [4; 5]. Определенный интерес представляют труды скандинавских ученых Э. Бакке [17] и Р. Сигала [28], а также небольшие наши изыскания [19; 20]. В этих исследованиях частично затронута обозначенная в нашей статье проблематика. Особо нужно выделить научные поиски американского профессора, русина П.Р. Магочия, посвятившего целый ряд публикаций изучению национального вопроса подкарпатских русинов, в т. ч. и в разрезе деятельности Лиги Наций [7; 22; 23].

Вместе с тем приходится констатировать недостаток исследований в обозначенной сфере с точки зрения конкретно-исторического анализа документов самой Лиги. На фоне незыблемости исторической ценности архивов уже несуществующей международной организации очевидным является отсутствие надлежащей оценки информации и фактов о русинах Подкарпатья, изложенных в ее архивных материалах. На восполнение данного пробела и ориентирована статья.

Лига Наций и ее структура в контексте защиты национальных меньшинств. Для более ясной картины затронутой проблемы вначале следует описать ключевые черты механизма функционирования Лиги Наций в сфере защиты национальных меньшинств и соответствующий ему процесс документооборота в организации.

Лига Наций стала первой международной организацией универсального характера, созданной для обеспечения мира и безопасности и просуществовавшей в период между Первой и Второй мировыми войнами. Она осуществляла свои функции через ассамблею, совет, секретариат, их вспомогательные службы, специализированные организации и Постоянную палату международного правосудия.

Специфика организационной структуры Лиги Наций заключалась в сосуществовании двух руководящих органов, номинально не подчинявшихся друг другу, – ассамблеи и совета, которые формировались

на разных началах. В ассамблею входили представители всех членов Лиги. Совет был органом с более узким представительством и состоял из государств, которые несли главный груз ответственности за международный правопорядок. Забота о проблемах национальных меньшинств находилась в исключительной компетенции совета. В случае возникновения между государствами спора по поводу соблюдения прав меньшинств его рассматривала Постоянная палата международного правосудия. В отношении подкарпатских русинов подобных судебных производств открыто не было.

Секретариат являлся постоянно действующей администрацией Лиги Наций. Его возглавлял Генеральный секретарь. Секретариат собирал информацию о выполнении государствами обязательств, касавшихся меньшинств, в соответствии с подписанными международными договорами или провозглашенными односторонними декларациями. Однако секретариат должен был помогать совету не только в рассмотрении жалоб относительно нарушений положений этих документов, но и в выяснении того, исполняют ли принадлежащие к меньшинствам лица свои обязанности перед государством проживания. Собранные таким способом материалы могли быть переданы государствам – членам Лиги по их желанию.

К жалобам на любые притеснения этносов выдвигались жесткие требования. Например, они должны были: 1) подаваться с целью защиты прав меньшинств согласно договорам или декларациям; 2) не содержать требований о расторжении политических отношений между меньшинством и государством пребывания; 3) не быть анонимными или базироваться на неподтвержденных источниках информации; 4) не содержать резких выражений и формулировок; 5) содержать информацию или отсылать к фактам, которые еще не были предметом уже направленной на рассмотрение петиции.

Лишь в случае признания по вышеуказанным формальным критериям приемлемости поданной в защиту определенного меньшинства петиции секретариат сообщал о ней соответствующему правительству, которое имело право в течение двух месяцев предоставить свои объяснения. Совет создал при секретариате вспомогательный орган – Комиссию по меньшинствам, которая наделялась контрольными функциями, касавшимися вышеуказанных договоров и деклараций, и поддерживала постоянный контакт с государствами проживания нацменьшинств.

Для рассмотрения каждого конкретного вопроса создавался Комитет трех, состоявший из членов Совета Лиги Наций. При необходимости эти комитеты вели переговоры с государством для урегулирования возникшей проблемы или передавали вопрос на рас-

смотрение совета, имевшего полномочия давать такому государству рекомендации. В частности, комитеты решали, заслуживает ли вопрос быть поставленным на сессионное рассмотрение в совет. В случае отрицательного решения дело передавалось в архив секретариата, а при положительном оно подлежало передаче для обсуждения на очередную сессию совета. Обсуждение происходило в присутствии представителя заинтересованного правительства. Податель петиции или его представитель к участию не привлекались, поскольку право возбуждения дела принадлежало лишь членам совета, а петиция рассматривалась только как простая информация, из самого факта принятия которой не вытекали никакие обязательства для совета. Решения последнего принимались единогласно.

Документы Лиги Наций о подкарпатских русинах. По материалам архивов Лиги Наций история подкарпатских русинов и их борьба за сохранение этнической идентичности прослеживаются из двух типов источников: 1) из информации, собранной Генеральным секретарем Лиги по поручению совета на основе представленных правительством Чехословакии специальных меморандумов; 2) из рассмотренных органами Лиги дел о нарушении прав русинов в Чехословакии согласно поданным жалобам и ответным замечаниям чехословацкого правительства.

Меморандумы Чехословакии об автономной территории Подкарпатской Руси. Организация подачи чехословацким правительством меморандумов Лиге Наций имела цель взять под надзор политику страны в отношении соблюдения прав и интересов подкарпатских русинов. Подобные формы периодической отчетности государства – члена Лиги давали последней возможность оценить состояние фактического исполнения Чехословакией международных обязательств согласно Сен-Жерменскому договору о национальных меньшинствах 1919 г. в отношении этноса, а именно:

1) создание для русинского меньшинства территориальной автономии и предоставление ему максимально возможной степени самоуправления, совместимого с единством чехословацкого государства;

2) обеспечение деятельности специального парламента с законодательными полномочиями по всем языковым, образовательным, религиозным, самоуправленческим и другим вопросам, возложенным на него законами Чехословакии, а также назначение президентом Чехословакии губернатора Подкарпатской Руси, подотчетного русинскому парламенту;

3) назначение должностных лиц в пределах Подкарпатской Руси (насколько это возможно) из числа жителей этой территории;

4) гарантии справедливого представительства русинов в чехословацком парламенте.

Сложившуюся после Первой мировой войны ситуацию вокруг подкарпатских русинов Чехословакия оценивала как общеевропейскую проблему, сравнивая ее с польским, финским, ирландским и украинским национальными вопросами. По мнению чехословацкого правительства, причиной тому была безжалостная политика мадьяризации, проводившаяся в пределах Австро-Венгрии вплоть до ее распада и охватившая практически все аспекты жизнедеятельности. Русины не имели своих представителей в парламенте, а венгерский язык был единственным официальным языком в империи, включая сферу образования [15]. Подавлялась активная социально-политическая позиция русинов. Вследствие этого приблизительно 300 тыс. русинов покинуло империю. По официальной статистике, в Австро-Венгрии к моменту ее распада проживали 430 262 русина, тогда как, согласно переписи населения, в 1921 г. их насчитывалось (уже в составе Чехословакии) лишь 370 368 чел. [15]. Осознавая факт замалчивания и искажения имперской властью реальных масштабов трагедии русинского этноса, чехословацкое правительство в своих первых меморандумах Лиге Наций определило венгерских русинов как *terra incognita*, подчеркивая, что европейскому сообществу неизвестна действительно критическая ситуация, в которой находилось это коренное меньшинство [15]. Потому мы считаем преувеличенным мнение шведского историка Р. Сигала, утверждающего, что чехословацкие лидеры, используя данное латинское выражение, языком дипломатии давали понять свое отношение к этносу как к нецивилизованному и изначально организовывали работу бюрократического аппарата в Подкарпатье из соображений управления «примитивной» территорией [28: 34].

Поясняя перед Лигой Наций природу проблем русинов, Чехословакия не видела иных вариантов их решения, как помощь извне. По убеждению правительства, угнетенный, морально и экономически ослабленный русинский этнос не мог возродиться подобно чехам и словакам. Потому в развитии идеи сохранения идентичности этноса оно признавало важную роль русинов-эмигрантов в США и Канаде, где они создали в защиту соотечественников ряд светских и религиозных общественных организаций [15]. Например, к ним относились Русское православное кафеолическое общество взаимопомощи, Общество русских братств в Соединенных Штатах Америки [3], Союз освобождения Прикарпатской Руси и другие общества и братства [23: 76–85], нередко объединяемые в историографии собирательным понятием *Американская Русь*. Именно представители эмиграции способствовали предоставлению автономии русинам

в составе Чехословакии [7: 107]. Так, 26 октября 1918 г. в Филадельфии после консультаций с администрацией президента США Вудро Вильсона о гарантиях русинской автономии в составе новообразованной Чехословацкой Республики лидер карпаторусской эмиграции в Америке Григорий-Игнатий Жаткович и лидер движения за независимость Чехословакии Томаш Масарик подписали соответствующую Декларацию общих намерений [18; 22: 374; 23: 84]. Декларация стала краеугольным камнем положений вышеуказанного Сен-Жерменского договора в разрезе предоставления автономии Подкарпатской Руси.

Из меморандумов Чехословакии следует, что новое государство подкарпатских русинов весьма осторожно подходило к решению их национального вопроса. С точки зрения чехословацких правящих кругов, механическое принятие необходимых специальных законов, касавшихся меньшинств, только ввиду формальной угрозы ответственности государства перед Лигой Наций было бы опрометчивым шагом, особенно в отношении самих русинов. Дело заключалось в том, что в 1921 г. на территории Подкарпатской Руси также проживали мадьяры (103 791), евреи (79 716), немцы (10 348), т. е. более одной трети нерусинского населения [15]. При этом мадьяры и евреи занимали ключевые административные посты, доминировали в торговле и промышленности, в то время как русины в значительной степени были неграмотными, не имели своих политических партий и воспитывались в атмосфере традиционного уважения к мадьярской и еврейской элите. Местные чиновники еврейского и мадьярского происхождения, равно как и мадьярофилы, с образованием Чехословацкой Республики не скрывали своей враждебности к новому государству, саботировали деятельность органов власти, отказывались принимать присягу. Поэтому совершенно справедливыми были опасения правительства, что поспешное законодотворчество в интересах национальных меньшинств может нарушить хрупкую стабильность в создаваемой территориальной автономии к югу от Карпат: или приведет к попаданию русинов в очередную зависимость, или непредумышленно сделает Подкарпатскую Русь центром агитации против молодой государственности. Стало очевидным, что для достижения целей Сен-Жерменского договора 1919 г. прежде всего была необходимость в политическом возрождении русинского народа и ликвидации наиболее катастрофических последствий австро-венгерского режима [15].

Как видно из представленной Лиге Наций информации, чехословацкая политика в отношении Подкарпатской Руси базировалась на трех фундаментальных принципах:

1) гарантированном выполнении требований Сен-Жерменского договора после их отображения в соответствующем конституционном акте;

2) безотлагательном выполнении тех положений указанного договора, которые допускают возможность их применения без изменения конституционных законов, а именно: назначение губернатора Подкарпатской Руси и других должностных лиц в пределах автономии из числа жителей этой территории;

3) незамедлительном принятии мер для создания политических, интеллектуальных и технических условий, необходимых для самоуправления на южнокарпатской территории. До тех пор, пока такое самоуправление не было установлено, любая относившаяся к нему мера носила временный характер [15].

Исходя из этих принципов, вместо Временной Конституции Чехословацкой Республики 1918 г. была принята Конституционная хартия 1920 г., которая зафиксировала автономный статус карпаторусского региона, содержательно раскрывая постулаты Сен-Жерменского соглашения. Первым губернатором региона стал Г.-И. Жаткович, заняв пост 5 мая 1920 г. – уже после вступления в силу Конституционной хартии. Сложнее была ситуация с назначением чиновников из числа русинов ввиду их слабой общей профессиональной подготовки. Так, в структуре отдельных министерств и ведомств Подкарпатской Руси по состоянию на 1923 г. сложилась следующая картина их наполняемости чиновниками разной национальной принадлежности (см. таблицу):

Таблица

Распределение мест в министерствах и ведомствах Подкарпатской Руси по национальному признаку [15]

Министерство, ведомство	Национальность								
	Венгры	Чехи	Словаки	Евреи	Немцы	Румыны	Украинцы	Русские	Русины
Министерство внутренних дел	56	255	17	6	2	–	11	3	142
Министерство образования	174	108		11	6	8		635	
Министерство социального обеспечения	–	34	2	–	1	–	–	–	8
Министерство здравоохранения	7	13	1	3	–	–	–	–	2
Министерство сельского хозяйства	2	50	1	–	–	–	–	–	4
Финансовое управление	86	1213				21			77

С развалом Австро-Венгрии произошла ротация кадров из-за ухода части чиновников. И в этом отношении правительство Чехословакии выгодно позиционировало себя перед Лигою Наций, отчитываясь о создании надлежащих условий для профессиональной и языковой подготовки специалистов из местного населения Подкарпатской Руси [15]. На практике, уже начиная с июля 1919 г., чиновничий аппарат края целенаправленно формировался преимущественно из чехов [1: 298]. Лишь в 1928 г. правительство заявило Лиге о полном выполнении обязательства по назначению должностных лиц в пределах карпаторусского региона из числа коренных жителей [31]. Но подспудно продолжалась политика по укреплению позиций чехословацкой администрации на местах. Норвежский историк Э. Бакке назвала этот период в истории республики «чехословакизмом и политическим централизмом», объясняя его желанием государства утвердить свою унитарность, предусмотренную Конституционной хартией 1920 г. [17: 182–185]. В Подкарпатье вся полнота реальной власти концентрировалась в руках вице-губернатора, которым традиционно назначался чех по национальности, что вызывало недовольство в крае [1: 302]. Присутствие центробежных сил фиксировала в донесениях и польская разведка, отмечая в 1932 г. растущие трудности Чехословакии во внутренней политике [8: 255].

На этом фоне Чехословацкая Республика демонстрировала мировому сообществу создание адекватной для русинов «неполитической среды» – благоприятных условий для экономической жизнедеятельности. Учитывая их склонность к ведению сельского хозяйства, были сделаны шаги к переходу от экстенсивного к интенсивному растениеводству. Правительство основало Государственный сельскохозяйственный институт полевых исследований, который находился в Мукачево и подчинялся органам управления Подкарпатской Руси. По всему региону создавались научно-исследовательские станции и образцово-показательные хозяйства, опыт которых перенимали местные крестьяне. В сфере животноводства предоставлялись государственные и локальные субсидии, что стимулировало развитие скотоводства, свиноводства, овцеводства. Как следствие, новый импульс получили мясо-молочная промышленность и сыроделие. Параллельно совершенствовались сеть коммуникаций и транспортная инфраструктура. В основе организации лесного хозяйства лежал принцип, согласно которому к любой оплачиваемой работе в южнокарпатском регионе в первую очередь должны привлекаться местные жители. Двумя из трех директоров государственного органа лесопользования в Подкарпатской Руси могли быть только русины. Для поддержки развития промышленности при Торговой палате в Кошице была создана

автономная секция, состоявшая из представителей южнокарпатского региона. Образованию отдельной торговой палаты для русинских территорий не позволял малый размер доходов от местных налогов, как того требовало чехословацкое законодательство [13].

Кроме того, были приняты меры по улучшению социальных и духовно-культурных условий жизни русинов, предавались забвению феодальные пережитки прошлого. В 1920 г. отдельным законом были упразднены т. н. коблыны и роковыны – церковные налоги с православных русинов в пользу греко-католических священников [15]. Правительство Чехословакии практиковало субсидирование строительства новых православных храмов [13]; к 1936 г. число возведенных церквей превысило 150 [11: 25]. В 1922 г. был решен вопрос о выплате кредитов за ущерб, нанесенный войной. Но поскольку малограмотное население, проживавшее на плато Карпат, не предоставило списка пострадавших от военных действий, была принята лишь часть заявлений о выплате компенсаций [15].

В сфере здравоохранения на территории карпаторусской автономии центральные органы власти республики осуществляли как борьбу с эпидемиями, так и строительство новых медицинских учреждений – больниц (например, в Хусте), изоляторов (Береговое), отделений инфекционных заболеваний (при больнице в Мукачеве), вводили в эксплуатацию санитарные железнодорожные вагоны. Все это послужило аргументом перед Лигой Наций о наличии устойчивой динамики роста русинского населения. В частности, для оценивания брались показания смертности и рождаемости по поселкам Нижние Верецки (сейчас – Нижние Ворота), Бескиды, Воловец на протяжении 1918–1922 гг.

Объектом пристального внимания со стороны Лиги Наций был вопрос об образовании русинов. В этой сфере Чехословакия декларировала курс на восстановление необходимого уровня обучения в начальной и средней школе. Согласно представленной Лиге правительственной статистике, в 1923 г. в младших классах начальных школ работало 1 012 учителей; было дополнительно открыто 346 таких классов. В то же время количество начальных школ со старшими классами возросло только до 12, средних школ было лишь 4, профессионально-технических заведений – 3, коммерческих колледжей – 2. Как результат, на указанное время 60 % русинов не имели школьного образования [15]. К 1931 г. в южнокарпатском регионе действовали уже 362 начальные школы с 1 047 классами, в т. ч. 297 русинских начальных школ с 812 классами. Подавляющее большинство русинских начальных школ имели до четырех классов. Средних школ со старшими классами по состоянию на 1931 г. насчитывалось всего 15.

При этом было закрыто две третьих религиозных школ (обычно с одним классом) из-за невозможности содержать штат учителей [13]. Нужно подчеркнуть малограмотность и самих учителей-русинов, о которой довольно пространно изъясняется в меморандумах чехословацкая администрация. Исследователи приводят конкретные цифры: к примеру, в 1920 г. из 976 русинских учителей только 43 имели среднее образование [6: 169]. Желая смягчить проблемы в образовательной сфере и оправдаться в том, что они не решены, правительство объясняло сложившуюся ситуацию как нежеланием самих русинов отдавать своих детей в уже открытые учебные заведения, так и ощутимыми финансовыми затратами государства на развитие школьного образования [15]. Как следствие, в процессе формирования системы образования русинского этноса Подкарпатья проблема педагогических кадров решалась за счет украинских и российских эмигрантов [6: 172]. Но это никак не коррелировалось ни с качеством образования русинов на родном языке, ни с обязанностью государства заботиться о сохранении этнической идентичности данного меньшинства.

Политическая жизнь русинов в составе Чехословакии в глазах правительства имела вялотекущий характер: этнос довольно медленно лишался апатичных чувств и проявлял национальное сознание [14; 16]. В Подкарпатья не было ни авторитетных личностей, ни объединений, способных сплотить меньшинство [9: 38]. Вместе с тем, по мнению историков, если до 1918 г. собственных политических партий в регионе не было, то после присоединения края к Чехословакии они появились и их количество стало расти: в 1921 г. насчитывалось 18 партий, в 1922 г. – 22, в 1924 г. – 30 [1: 303], а в 1930-х гг. – 47 [10: 48].

Правительство отчиталось перед Лигой Наций о том, что в сентябре 1923 г. после выборов в коммунах Подкарпатской Руси завершился процесс формирования местных партий: русинских (Аграрно-республиканская партия, Русская партия Волошина, Социально-демократическая партия, Чехословацкая социалистическая партия, Русская национальная партия, Коммунистическая партия), венгерских (Венгерская христианско-социалистическая партия, Партия венгерских мелких крестьян, Партия венгерских русинов), еврейских (Сионистская партия, Партия еврейских консерваторов) и проч. [14; 16]. Формально закрепив особый статус Подкарпатской Руси в Конституции 1920 г., чехословацкая администрация не считала возможным внедрение там самоуправления до проведения первых выборов в русинский парламент [15]. Она резко негативно относилась к активной коммунистической агитации среди политически незрелых русинов и видела в этом одно из главных препятствий для создания русинского

парламента. Потому единственно верным правительство считало проведение политической реформы, осуществленной в 1928–1929 гг. и имевшей целью формирование временной автономной администрации в лице Провинциального совета и Провинциального комитета до создания русинского парламента. Провинциальный совет состоял из 18 членов, на две третьих избиравшихся местным населением и на одну треть назначавшихся правительством Чехословакии исходя из социально-экономических и национально-культурных соображений. Он занимался вопросами управления, экономики, транспорта, образовательной и социальной сферы [31]. Провинциальный комитет состоял из 6 членов и 6 их заместителей, которые назначались советом. Комитет утверждал бюджеты отдельных районов Подкарпатской Руси и важные решения экономического характера, принимавшиеся районными или муниципальными советами (созданными в начале 1929 г.), готовил проекты для обсуждения советом, а также назначал должностных лиц провинциального уровня и т. д. [13].

Петиции в Секретариат Лиги Наций в защиту подкарпатских русинов. За время существования в Лиге было подано девять жалоб в защиту подкарпатских русинов: петиция Партии венгерских русинов касательно действий правительства Чехословакии в нарушение положений Сен-Жерменского договора 1919 г. (1921 г.); петиция президента Украинского национального совета Западно-Украинской Народной Республики о ситуации в Подкарпатской Руси (1927 г.); петиции члена Национального собрания Чехословакии от Автономной аграрной федерации Подкарпатской Руси по вопросу ее автономии (1928 и 1931 гг.); петиция представителей русских православных общин Подкарпатской Руси (1929 г.); петиция по случаю десятилетия со дня подписания Чехословакией Сен-Жерменского договора 1919 г. (1929 г.); петиция председателя Ассамблеи русинов в Венгрии по поводу ситуации на территории Подкарпатской Руси (1930 г.); петиции Совета русинов по национальной обороне в Соединенных Штатах Америки касательно жалоб на ситуацию с образованием русинов в Подкарпатской Руси (1928 и 1932 гг.).

Петиция от 10 сентября 1921 г. Партии венгерских русинов строилась на утверждении, что непринятие мер по реальному установлению уже формально провозглашенной автономии Подкарпатской Руси в составе Чехословакии противоречит букве и духу международных обязательств государства [30].

В своем ответном замечании от 18 ноября 1921 г. чехословацкое правительство указало, что договорные обязательства в отношении южнокарпатской автономии приобрели юридическую силу, поскольку эти положения были включены в Конституционную хартию

Чехословацкой Республики от 1920 г. Однако данные положения могут быть введены в действие лишь постепенно, поскольку для этой территории не сформированы необходимые для самоуправления элементы ввиду отсутствия образованного населения и компетентных местных чиновников. Правительство кратко рассказало о своих усилиях по обучению населения и обеспечению их способности к осуществлению самоуправления. Также заявлялось о полной защите прав меньшинств в регионе.

Комитет трех в составе Поля Иманса (Бельгия), Гульельмо Импиали (Италия) и Исии Кикудзиро (Япония) выразил доверие правительству и убежденность, что в ближайшем будущем оно найдет способы внедрения автономии для территории к югу от Карпат [29]. Делу не был дан ход.

Петиция от 5 мая 1927 г. президента Украинского национального совета Западно-Украинской Народной Республики Евгения Петрушевича о ситуации в Подкарпатской Руси [27] отличалась от остального вкрапления в ее текст выдержек из истории присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии, а также наличием трактовки русинов как деноминации украинцев в составе Австро-Венгрии. Однако в своих претензиях к чехословацкому правительству эта жалоба в адрес Лиги Наций несущественно расходилась по содержанию с другими петициями в защиту русинов: в ней выражались требования автономии для Подкарпатской Руси, справедливого распределения земельных ресурсов в карпаторусском регионе, улучшения ситуации со школьным образованием русинов и прекращения практики их дискриминации в данной сфере. Но петиция Е. Петрушевича даже не была рассмотрена Комитетом трех. Соответственно, затронутые в ней проблемы так и не стали предметом обсуждений на сессии Совета Лиги Наций.

В петиции от 21 августа 1928 г. Ивана Куртяка, члена Национального собрания Чехословакии от Автономной аграрной федерации Подкарпатской Руси, по вопросу ее автономии [26] подробно рассказывалось о том, как государство саботировало статьи Сен-Жерменского договора о защите меньшинств. Куртяк перечислил основные нарушения. Не был созван парламент Подкарпатской Руси. Официальным языком в крае на практике оставался только чешский, а русинский использовался исключительно в быту или вне пределов государственных учреждений. Из общего числа чиновников 90 % были чехи, не знавшие русинского языка. Коренные жители были лишены преимуществ земельной реформы, получив лишь 19 тыс. акров из 260 тыс. Большая часть земли была разделена между 40 тыс. чешских чиновников, сотрудников полиции и таможни. В 1928 г. ко-

личество учеников в классах чешских школ колебалось в пределах 17–25 детей, а в классах русинских школ – около 80–100. В конце 1920-х гг. в Подкарпатье действовало только одно высшее учебное заведение для русинов – педагогический колледж. По окончании образования русины не могли получить работу. Тем не менее Комитет трех не представил петицию Совету Лиги Наций, посчитав более аргументированной позицию правительства по вышеупомянутым меморандумам.

В петиции от 4 июня 1930 г. по поводу ситуации на территории Подкарпатской Руси [24] А. Букиала, председатель Ассамблеи русинов в Венгрии, жаловался на то, что, хотя с момента вступления в силу Сен-Жерменского договора 1919 г. о меньшинствах прошло 10 лет, русинский парламент еще не был образован. Чехословацкое правительство обращало внимание на усилия, предпринятые для политического, экономического и культурного развития населения южнокарпатского края, позволявшие ему достичь стандарта, необходимого для установления автономии территории. По словам заявителя, не соблюдались гарантии свободного использования русинского языка, а штат учителей в русинских школах был заменен чешскими, украинскими и российскими специалистами, которые преподавали на своем языке. В ответных замечаниях чехословацкое правительство, ссылаясь на меморандумы, объясняло нехватку подходящих учителей среди русинского населения и заверяло в проведении всех необходимых мероприятий по подготовке преподавателей из числа коренного населения. В ответ на жалобу подателя петиции на отведение высоких административных и судебных должностей чехам, украинцам и русским правительство утверждало, что предпочтение отдается русинским кандидатам, если они готовы заступить на государственную службу и имеют требуемую квалификацию. По поводу используемых в администрации Подкарпатской Руси языков правительство заявило, что русинский язык является основным на этой территории наравне с государственным языком. Податель петиции утверждал, что правительство несколько раз приостанавливало самоуправление на территории Прикарпатья в нарушение положений Сен-Жерменского договора. Правительство не согласилось с такими доводами, подчеркнув прогресс, достигнутый в области автономного управления этой территорией путем создания Провинциального совета, Провинциального комитета, районных советов и комитетов.

Исходя из изложенных сторонами аргументов и фактов, Комитет трех в составе Ильи Чуменковича (Югославия), Рене Массильи (Франция) и Дино Гранди (Италия) принял решение не передавать петицию на рассмотрение Совету Лиги Наций [12].

Петиция от 14 декабря 1932 г. Совета русинов по национальной обороне в Соединенных Штатах Америки по поводу жалоб на ситуацию с образованием русинов в Подкарпатской Руси [25] поднимала те же вопросы, что были вынесены на обсуждение перед Лигой Наций в предыдущих петициях. Потому из тех самых соображений Комитет трех в составе Жака Фук-Дюпарка (Франция), Уильяма Малкина (Великобритания) и Франсиско Кастильо Нахеры (Мексика) стал на сторону чехословацкого правительства и отказал в передаче петиции на сессию Совета Лиги [21].

К сожалению, остальные три из девяти вышеперечисленных петиций даже не были представлены на рассмотрение Комитету трех ввиду несоблюдения заявителями ранее указанных формальных критериев к их содержанию. Справедливости ради нужно отметить, что некоторые из «отсеянных» жалоб действительно имели характер эмоциональных воззваний (хотя и не лишенных смысла) к государствам – членам Лиги Наций, нежели форму строго юридического документа. К разряду таких можно отнести петицию от 20 сентября 1929 г. председателя Центрального исполнительного комитета русских православных общин Карпатской Руси Алексея Геровского, приуроченную к десятилетию со дня подписания Чехословакией Сен-Жерменского договора 1919 г. о защите национальных меньшинств [2].

Таким образом, учитывая вышеизложенные, в документах Лиги Наций прослеживается не столько объективная невозможность, сколько субъективное нежелание Чехословакии предоставлять особый статус русинскому меньшинству. Автономия Подкарпатской Руси, провозглашенная и юридически зафиксированная в ходе событий, приведших к образованию т. н. Первой Чехословацкой Республики, не была воплощена в жизнь вплоть до октября 1938 г., когда политически ослабленное государство под давлением консолидированных политических сил русинов пошло на этот шаг. Но данный эпизод из жизни русинов не был адекватно отображен в архивных материалах секретариата Лиги по двум главным причинам: во-первых, политика защиты национальных меньшинств под эгидой организации с середины 1930-х гг. резко пошла на спад ввиду ее неэффективности; во-вторых, сама организация демонстрировала свою нежизнеспособность в преддверии Второй мировой войны.

Во многом такая внутренняя политика Чехословакии в отношении русинского этноса объясняет неоднократность обращений различных лиц и организаций в Лигу Наций с целью отстоять права этого национального меньшинства.

Однообразие проблем, которые испытывали подкарпатские русины

в Чехословакии, порождало однотипные по своей природе жалобы в Лигу Наций от имени представителей или поборников меньшинства. Рассмотренные Комитетом трех петиции раскрывали обратную сторону той ситуации, в которой находился этнос. В отличие от меморандумов чехословацкого правительства и его ответных замечаний на заявленные жалобы, эта источниковедческая база предлагает альтернативный взгляд на судьбу русинов в составе Чехословацкой Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Віднянський С.* Закарпаття у складі Чехословацької Республіки: формування державних структур і громадсько-політичне життя в краї у 20-х – першій половині 30-х років ХХ ст. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2002. Вип. 6. С. 297–318.
2. *Геровський А.* Всем членам Лиги Наций // Русин. 2008. № 1–2 (11–12). С. 263–265.
3. *Глущенко Н.А.* Первые общественные организации русинов на территории Соединенных Штатов Америки // Русин. 2015. № 4 (42). С. 97–106.
4. *Данилец Ю., Данилец Н., Монич А. et al.* Русинская тематика в изданиях последних лет // Русин. 2010. № 3 (21). С. 135–158.
5. *Досталь М.* Русинское национальное движение и его отражение в современной историографии // Русин. 2007. № 3 (9). С. 97–105.
6. *Кравчук О.М.* Державні структури ЧСР і проблема забезпечення Закарпаття вчительськими кадрами (1919–1929 рр.) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Історія. 2004. Вип. 8. С. 168–173.
7. *Магочій П.Р.* Традиції автономії на Карпатській Русі (включаючи Закарпаття) // Русин. 2011. № 2 (24). С. 104–124.
8. *Морозов С.В.* Подкарпатская Русь во внешней политике Польши и Чехословакии (1932–1935 гг.) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 251–263. DOI: 10.17223/18572685/54/14
9. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.
10. *Суляк С.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
11. *Суляк С.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
12. Annual communication concerning the results of the examination of petitions by minorities committees: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, January 2nd, 1932; Official № C.5.1932.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-5-1932-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).
13. Autonomous Ruthenian Territory south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, January 6th, 1931; Official №

C.21.M.12.1931.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-21-M-12-1931-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

14. Autonomous Ruthenian Territory south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, June 26th, 1924; Official № C.331.M.107.1924.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-331-M-107-1924-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

15. Autonomous Ruthene Territory South of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, September 15th, 1923; Official № C.608.M.231.1923.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-608-M-231-1923-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

16. Autonomous Ruthene Territory South of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, December 18th, 1923; Official № C.821.M.310.1923.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-821-M-310-1923-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

17. *Bakke E.* The principle of national self-determination in Czechoslovak Constitutions 1920–1992 // Central European Political Science Review. 2002. Vol. 3. № 10. P. 173–198.

18. *Botlik J.* Czechoslovakia's ethnic policy in Subcarpathia (Podkarpatskaja Rus or Ruthenia) 1919–1938/1939. URL: <http://www.hungarianhistory.com/lib/botlik/botlik.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).

19. *Degtyarev S., Zavhorodnia V., Polyakova L.* On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in «Kievskaya Starina» Journal // European Journal of Contemporary Education. 2018. Vol. 7 (4). P. 911–917. DOI: 10.13187/ejced.2018.4.911

20. *Degtyarev S., Samoilenko Ye.* League of Nations and protection of national minorities in Eastern European states (1919-1946) // Skhidnoievropeiskiy Istorychnyi Visnyk. 2019. № 12. С. 94–107. DOI: 10.24919/2519-058x.12.177549

21. Fifth annual communication concerning the results of the examination of petitions by minorities committees: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, January 3rd, 1934; Official № C.5.1934.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-5-1934-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

22. *Magocsi P.R.* The Ruthenian Decision to Unite with Czechoslovakia // Slavic Review. Vol. 34, № 2. P. 360–381.

23. *Magocsi P.R.* The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus; 1848–1948. Cambridge; London: Harvard University Press, 1978. XVI, 640 p.

24. Petition of M. Boukialy concerning the situation in the Ruthene Territory, south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, July 31st, 1930; Official № C.411.1930.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-411-1930-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

25. Petition from M. Michael Yuhasz Sr. concerning the situation in the territory of Sub-Carpathian Russia: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, July 31st, 1930; Official № C.469.1933.I). URL: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-469-1933-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

26. Petition from M. Kurtyak with regard to the situation in Sub-Carpathian Russia: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, November 26th, 1928; Official № C.580.1928.I). URL: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-580-1928-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

27. Petition from M. Petrouchevitch with regard to the situation in Sub-Carpathian Russia: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, November 30th, 1927; Official № C.606.1927.I). URL: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-606-1927-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

28. *Segal R.* Genocide in the Carpathians: war, social breakdown, and mass violence, 1914–1945. Stanford: Stanford University Press, 2016. XVI, 212 p.

29. The autonomous Ruthenian Territory south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, February 8th, 1922; Official № C.107.M.61.1922.I). URL: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-107-M-61-1922-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11. 2019).

30. The Autonomous Ruthene Territory South of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, November 30th, 1921; Official № C.491.M.354.1921.I). URL: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-491-M-354-1921-I_Bl.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

31. The autonomous Territory of the Ruthenians south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, September 28th, 1928; Official № C.517.M.151.1928.I). URL: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-517-M-151-1928-I_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

REFERENCES

1. Vidnyansky, S. (2002) Zakarpattya u skladi Chekhoslovats'koї Respubliki: formuvannya derzhavnikh struktur i gromads'ko-politichne zhittya v kraї u 20-kh – pershiy polovini 30-kh rokiv XX st. [Transcarpathia as a part of the Czechoslovak Republic: public authorities' formation, and social and political life during the 1920s and the first half of the 1930s]. In: Kulchitsky, S.V. (ed.) *Problemi istorii Ukraini: fakti, sudzhennya, poshuki* [Problems of Ukrainian history: facts, estimations, researches]. Vol. 6. Kyiv: [s.n.], pp. 297–318.

2. Gerovsky, A. (2008) Vsem chlenam Ligi Natsiy [To all the League of Nations members]. *Rusin.* 1–2(11–12). pp. 263–365.

3. Glushchenko, N.A. (2015) First social organizations of Rusins in the United States of America. *Rusin.* 4(42). pp. 97–106 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/8

4. Danilets, Yu., Danilets, N., Monich, A. et al. (2010) Rusinskaya tematika v izdaniyakh poslednikh let [The Rusin theme in the latest publications]. *Rusin.* 3(21). pp. 135–158.

5. Dostal, M. (2007) Rusinskoe natsional'noe dvizhenie i ego otrazhenie v sovremennoy istorio-grafii [Rusin national movement and its reflection in modern historiography]. *Rusin.* 3(9). pp. 97–105.

6. Kravchuk, O.M. (2004) Derzhavni strukturi ChSR i problema zabezpechennya Zakarpattya vchitel's'kimi kadrami (1919–1929 pp.) [Public authorities

of the Czechoslovak Republic and the problem of providing teaching staff for Transcarpathia]. *Naukovi zapiski Vinnits'kogo derzhavnogo pedagogichnogo univer-sitetu imeni Mikhayla Kotsyubins'kogo. Seriya: Istoriya*. 8. pp. 168–173.

7. Magocsi, P.R. (2011) Traditsii avtonomii na Karpats'kii Rusi (vkluchayu-chi Zakarpattya) [The heritage of autonomy in Carpathian Rus and Ukraine's Transcarpathia]. *Rusin*. 2(24). pp. 104–124.

8. Morozov, S.V. (2018) Subcarpathian Rus in the foreign policy of Poland and Czechoslovakia (1932–1935). *Rusin*. 4(54). pp. 251–263 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/14

9. Pop, I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padyak.

10. Sulyak, S. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

11. Sulyak, S. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: Lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4(13–14). pp. 7–34.

12. The League of Nations. (1932) *Annual communication concerning the results of the examination of petitions by minorities committees: Note by the Secretary General (League of Nations, Geneva, January 2, 1932; Official Nr. C.5.1932.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-5-1932-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

13. The League of Nations. (1931) *Autonomous Ruthenian Territory south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, January 6th, 1931; Official Nr. C.21.M.12.1931.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-21-M-12-1931-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

14. The League of Nations. (1924) *Autonomous Ruthenian Territory south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, June 26th, 1924; Official Nr. C.331.M.107.1924.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-331-M-107-1924-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

15. The League of Nations. (1923a) *Autonomous Ruthene Territory South of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, September 15th, 1923; Official Nr. C.608.M.231.1923.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-608-M-231-1923-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

16. The League of Nations. (1923b) *Autonomous Ruthene Territory South of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, December 18th, 1923; Official Nr. C.821.M.310.1923.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-821-M-310-1923-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

17. Bakke, E. (2002) The principle of national self-determination in Czechoslovak Constitutions 1920–1992. *Central European Political Science Review*. 3(10). pp. 173–198.

18. Botlik, J. (n.d.) *Czechoslovakia's ethnic policy in Subcarpathia (Podkarpatskaja Rus or Ruthenia) 1919–1938/1939*. [Online] Available from: <http://www.hungarianhistory.com/lib/botlik/botlik.pdf> (Accessed: 10th November 2019).

19. Degtyarev, S., Zavhorodnia, V. & Polyakova, L. (2018) On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in "Kievskaya Starina" Journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4). pp. 911–917. DOI: 10.13187/ejced.2018.4.911

20. Degtyarev, S. & Samoilenko, Ye. (2019) League of Nations and protection of national minorities in Eastern European states (1919-1946). *Skhidno-evropeyskyi Istorychnyi Visnyk – East Europe Historical Bulletin*. 12. pp. 94–107. DOI: 10.24919/2519-058x.12.177549

21. The League of Nations. (1934) *Fifth annual communication concerning the results of the examination of petitions by minorities committees: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, January 3rd, 1934; Official Nr. C.5.1934.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-5-1934-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

22. Magocsi, P.R. (1975) The Ruthenian Decision to Unite with Czechoslovakia. *Slavic Review*. 34(2). pp. 360–381. DOI: 10.2307/2495193

23. Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus; 1848–1948*. Cambridge; London: Harvard University Press.

24. The League of Nations. (1930a) *Petition of M. Boukialy concerning the situation in the Ruthene Territory, south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, July 31st, 1930; Official Nr. C. 411.1930.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-411-1930-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

25. The League of Nations. (1930b) *Petition from M. Michael Yuhasz Sr. concerning the situation in the territory of Sub-Carpathian Russia: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, July 31st, 1930; Official Nr. C.469.1933.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-469-1933-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

26. The League of Nations. (1928a) *Petition from M. Kurtyak with regard to the situation in Sub-Carpathian Russia: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, November 26th, 1928; Official Nr. C.580.1928.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-580-1928-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

27. The League of Nations. (1927) *Petition from M. Petrouchevytch with regard to the situation in Sub-Carpathian Russia: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, November 30th, 1927; Official Nr. C.606.1927.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilDocs/C-606-1927-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

28. Segal, R. (2016) *Genocide in the Carpathians: war, social breakdown, and mass violence, 1914–1945*. Stanford: Stanford University Press.

29. The League of Nations. (1922) *The autonomous Ruthenian Territory south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, February 8th, 1922; Official Nr. C.107.M.61.1922.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-107-M-61-1922-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

30. The League of Nations. (1921) *The Autonomous Ruthene Territory South of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, Novem-*

ber 30th, 1921; Official Nr. C.491.M.354.1921.I). [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-491-M-354-1921-I_BI.pdf (Accessed: 10th November 2019).

31. The League of Nations. (1928b) *The autonomous Territory of the Ruthenians south of the Carpathians: Note by the Secretary-General (League of Nations, Geneva, September 28th, 1928; Official Nr. C.517.M.151.1928.I)*. [Online] Available from: https://biblio-archiv.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-517-M-151-1928-I_EN.pdf (Accessed: 10th November 2019).

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумского государственного университета (Украина).

Sergey I. Degtyarev – Sumy State University (Ukraine); International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA).

E-mail: starsergo2014@gmail.com

Самойленко Евгений Анатольевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного, европейского права и гражданско-правовых дисциплин Сумского государственного университета (Украина).

Yevhen A. Samoilenko – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: y.samoilenko@uabs.sumdu.edu.ua